

Читаем ли мы Библию как Священную Историю?

Мы привычно называем Библию Священной Историей. Стандартные семинарские курсы так и называются: «Священная История Нового Завета, Ветхого Завета». Но читаем ли мы ее на практике как историю?

Прежде всего, мы ее чаще всего просто не читаем. Вот лишь небольшой пример: на Рождественских чтениях, самом представительном форуме Русской Православной Церкви, из года в год представляется немало докладов о самых разных предметах, но про Библию там говорят крайне мало и обычно в связи с чем-то другим. На Чтениях 2007 года библейской секции вообще не было, на Чтениях 2008 была секция о преподавании Библии в школе, где речь шла во многом просто о преподавании Православия в средней школе или о работе воскресных школ. В Московской Духовной Академии недавно открылась кафедра библеистики, но ее работа посвящена преимущественно изучению толкований Свв. Отцов, что исключительно хорошо и полезно, но это скорее патристика, чем библеистика.

Можно было бы подумать, что дела обстоят лучше у протестантов или католиков, но это тоже не так. Библию чаще пролистывают в поисках подходящих, давно известных цитат, но не читают ее как единое целое. Как отмечает западный библеист Г. Осборн¹, в последнее время можно постоянно слышать о «кризисе библейского богословия». В самом деле, появляется все больше работ, носящих такие названия («Богословие Нового Завета», «Богословие Ветхого Завета»), но между ними не просто нет согласия – буквально каждая из них предлагает собственную схему.

Во многом причиной тому служит разнообразие библейских текстов, отсутствие неких универсальных схемы. Например, Павел подчеркивает, что человек спасается не делами, а верой (Ефес 2:8-9), а Иаков утверждает, что «вера без дел мертва» (Иак 2:14-16) – оба высказывания истинны, они не противоречат друг другу, но они явно подходят к вопросу о роли благих дел в спасении человека с разных сторон, и в самой Библии никакой третий текст не устанавливает определенного соотношения между ними. В то же время любая попытка создать «богословие Нового Завета» обязательно должна будет выбирать именно те отрывки и цитаты, которые созвучны догматике автора.

Канон Нового Завета у всех христиан (за исключением Эфиопской Церкви) один и тот же, различия в ветхозаветном каноне тоже касаются не самых важных книг. Но у разных христианских сообществ может быть свой «канон внутри канона», то есть

¹ Osborne G. R. *The Hermeneutical Spiral: A Comprehensive Introduction to Biblical Interpretation*. Downers Gove, 1991, p. 263 и далее.

собрание наиболее авторитетных текстов, которые кладутся в основу их вероучения. Упрощенно говоря, протестанты будут настаивать на оправдании верой и только верой, католики будут напоминать о значении добрых дел как признака веры – хотя ни одна из сторон не отвергнет другую цитату полностью.

Как формулирует это другой современный ученый, Д. Карсон², «Новый Завет полон противоречий, он включает многие богословские точки зрения, которые не могут быть выстроены в единую систему, и разница здесь не только в словах, но и в понятиях, и состоит он из документов, написанных на протяжении такого длительного периода, что богословские положения более ранних текстов оказались устаревшими в ходе дальнейшего развития». Эта фраза может показаться экстремистской, но, в самом деле, в одном и том же Евангелии мы встречаем Иоанна Крестителя, учеников до Воскресения и учеников после Воскресения – нельзя не признать, что их представление о том, кто такой Иисус, не вполне одинаково. Тем большую разницу мы увидим, если включим в этот ряд апостола Павла, особенно в начале и в конце его миссионерской деятельности.

Вообще, все живое достаточно неоднозначно и переменчиво. В одном и том же тексте Иоанн Креститель указывает на Иисуса как на Того, Кого возвещали пророки (Мф 3:3) – и через некоторое время обращает к Нему через учеников вопрос «Ты ли Тот, Который должен прийти» (Мф 11:3); апостол Петр обещает последовать за Христом до конца (Мф 26:33) – и в ту же ночь отрекается от Него (Мф 26:75). Абсолютно последовательными бывают машины, но не люди.

Более того, в одном и том же Евангелии от Иоанна Сам Христос говорит вещи, которые кажутся противоположными: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28). Одно из этих выражений можно понять только через призму другого. Церковь подсказывает, что главное здесь: «Я и Отец – одно»; второе высказывание не отменяет первое, но говорит о добровольном подчинении Сына Отцу, о том, как Он умалился в воплощении. Есть, разумеется, и другая трактовка. В древности ариане, а в наши дни свидетели Иеговы настаивали, что Христос вовсе не был равен Богу, и что за основу надо брать высказывание «Отец мой более Меня». Эти внешние, формальные противоречия и создают пространство для интерпретации, создают напряжение, которое заставляет нас вчитываться в этот текст и размышлять о нем. В непротиворечивый катехизис не вчитаешься, его можно только освоить и отложить навсегда в сторону.

Осборн пишет: «слишком часто мы полагаем, что наше толкование и есть то, что сказано в Библии, не понимая при этом многих других факторов, которые определяют значение. В результате богословская схема строится на ожерелье цитат, в

² Carson D.A., Woodbridge J.D., eds. *Scripture and Truth*. Grand Rapids, 1983.

раввинистической манере нанизанных друг на друга, и они якобы “доказывают” справедливость тех или иных богословских формулировок. Но проблема в том, что оппонент приводит свой набор цитат (часто это совсем другие тексты, говорящие о том же предмете, при этом каждая сторона игнорирует цитаты другой стороны!), и оба спорщика разговаривают сами с собой, а не друг с другом»³.

Он далее приводит показательный пример: «один из моих студентов в семинарии несколько лет назад подошел к навещавшему нас ученому-кальвинисту (сам он принадлежал к умеренно арминианскому крылу) и спросил: “В чем основное различие между вашими взглядами и моими?” Профессор несколько театрально воскликнул: “Мои – библейские!” Но как мы проверим, чьи взгляды больше соответствуют Библии?»⁴

Здесь, впрочем, уместно будет вспомнить опыт апостолов и евангелистов: они совершенно явно вырывали ветхозаветные цитаты из их первичного исторического контекста, в котором они находились, и использовали в совершенно другом смысле. Но если это позволено им, то почему не всем? Пока мы оставим этот вопрос без ответа и вернемся к нему в самом конце.

Православным, казалось бы, несвойственно так жонглировать цитатами, но им привычнее оказывается воспринимать Писание как копилку образов и сюжетов. Например, Великий канон Св. Андрея Критского, который читается в храмах каждый Великий Пост, чуть ли не в каждой новой фразе предлагает слушателю новый библейский образ или сюжет – но говорит он вовсе не о Библии, а о покаянном чувстве самого автора канона. То, что было историей, становится поводом для медитации. Это, разумеется, оправданный и освященный Преданием подход, но в определенном смысле он уводит еще дальше от прямого и непосредственного восприятия библейского текста, чем жонглирование цитатами.

В православном храме Писание постоянно читается за богослужением, но очень и очень отрывочно. Даже Нагорная проповедь в основном остается за пределами литургических чтений православной Церкви, что и говорить о менее центральных текстах! А домашнее чтение Писание у нас пока только входит в практику православного благочестия и принимается как самостоятельная ценность далеко, далеко не всеми.

Но если мы все же читаем Библию и размышляем над ней – читаем ли мы ее как Священную Историю? Библейский смысл слова «священное» – нечто, сделанное в этом мире, но отделенное от всего остального, посвященное Богу и являющее в мире Его святость. В этом отношении следует избегать искушения фундаментализма (Библия – упавший с неба текст) или, наоборот, секулярности (Библия – памятник древней

³ Osborne, *op.cit.*, p.288.

⁴ Osborne, *op.cit.*, p. 310.

культуры). Но в целом приходится признать, что, привычно говоря о богодухновенности Библии, мы сами не очень понимаем, что именно имеем под ней в виду, хотя есть твердое ощущение, что не все мы имеем в виду одно и то же.

Издавна существовало понимание богодухновенности как буквальной диктовки текста свыше: его можно найти и у Отцов Церкви, и у начинателей Реформации: «Святой Дух вдохновлял пророков и апостолов не только в том, что касается содержания и смысла Писания, или значения слов, так что они могли по своей собственной воле облекать и украшать эти мысли своим собственным стилем и словами, но Святой Дух действительно поддерживал, вдохновлял и диктовал самые слова, всякое и каждое выражение по отдельности»⁵. Именно такая точка зрения была тогда принята и католиками на Тридентском соборе 1546 г.; но в 1870-м г. на I Ватиканском соборе определение о «диктовке Святого Духа» было заменено на «вдохновение Святого Духа».

Впрочем, к середине XX в. постепенно выработался уравновешенный взгляд на вопрос о природе богодухновенности. У католиков конституция II Ватиканского собора «*Dei Verbum*» (1965 г.) утверждает «безошибочность книг Писания в деле спасения», признавая в то же время человеческую ограниченность земных авторов библейских книг. С православной стороны можно привести характерное мнение конгресса православных богословов (Афины, 1936 г.): «Механически-буквальное понимание богодухновенности священных книг... не может быть защищено православными богословами, как уклоняющееся в своего рода “монофизитство”, а должно быть исправлено в свете Халкидонского догмата о Богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки, анахронизмы, которые могут быть исправлены внебиблейскими данными».

Это мнение вполне созвучно высказыванию баптиста из южных штатов США (традиционно именно они считаются опорой протестантской ортодоксии): «Писание не может быть понято правильно, если мы не примем во внимание его двойное авторство... Недостаточно будет сказать, что Писание – отчасти Слово Божие и отчасти человеческие слова. Следует утверждать, что Библия целиком и полностью – Слово Божие и человеческие слова (Деян 4:25). Было бы не вполне верно устанавливать прямые соответствия между Писанием и Иисусом Христом, но есть, тем не менее, явная аналогия. Как Иисус был зачат по таинственному действию Святого Духа (Лк 1:35), так и Писание появилось как результат Его вдохновения (2 Тим 3:16). И, как Иисус стал человеком, родившись от земной девушки, так и Писание пришло к нам на человеческом языке своих

⁵ Quenstedt, *Theologia didactopolemica*, 1.72, 1685. Цит. по: Reid J.K.S. *The Authority of Scripture*. New York, 1957, p. 85.

земных авторов. В результате Иисус – живое Слово Божье, Богочеловек, а Библия – записанное Слово Божье, божественно-человеческое Писание»⁶.

Помимо фундаментализма, который под «священным текстом» понимает текст, сразу, в готовом виде, данный с неба и полностью вырванный из земной истории, существует, разумеется, и другая крайность – секулярный подход к Библии. Разумеется, всякий человек, в том числе и неверующий, может читать и изучать Библию. Но если при этом он будет старательно забывать, что этот текст создавался, сохранялся и передавался как священный, его подход просто не может быть адекватным. Сегодня становится модным заменять слово «библейский» на «сиро-палестинский», как будто Библия – лишь один из множества древних текстов, дошедших до нас из той эпохи и того региона, и никакого особого значения она сама по себе не имеет, а ученые всерьез обсуждают теории (например, «минимализм» в археологии), построенные на презумпции виновности библейского текста: если это описано в Библии, значит, в истории этого совершенно точно не было. Если бы с такими же минималистическими критериями подходили к древней истории вообще, от нее бы, по-видимому, просто ничего не осталось.

Но подробнее мы сейчас не будем на этом останавливаться, и поговорим лучше о последнем слове, поставленном в заглавии – в каком же смысле мы можем называть Библию историей мы, христиане? Кажется, мы слишком всерьез принимаем доводы Александрийской школы, в частности, Оригена⁷: «И вообще, по апостольскому повелению, во всем нужно искать мудрость, в тайне сокровенную... Кто настолько глуп, чтобы подумать, будто Бог, по подобию человека-земледельца, насадил рай в Эдеме на востоке, и в нем сотворил дерево жизни, видимое и чувственное, чтобы вкушающий от плода его телесными зубами тем самым обновлял свою жизнь, а кушающий от плодов дерева (познания) добра и зла участвовал бы в добре и зле?... Знаменитую субботу, при точном понимании слов: “Сидите каждый в доме своем, никто же из вас да исходит от места своего в день седьмой” (Исх.16:29), невозможно соблюсти буквально, потому что никакое животное не может сидеть целый день, не трогаясь с места... Если мы перейдем к Евангелию и поищем здесь подобных,... когда говорится об ударе в правую щеку, то представляется в высшей степени невероятное дело, потому что всякий бьющий, если только он не страдает каким-нибудь природным недостатком, бьет правой рукою в левую щеку».

Ориген, правда, делает дальше очень важную оговорку: «Мы ясно должны сказать, что в некоторых повествованиях мы признаем историческую истину. Таковы, например, повествования о том, что Авраам был погребен в Хевроне в двойной пещере так же, как

⁶ Garrett D.A., Melick R.R. Jr, eds. *Authority and Interpretation: A Baptist Perspective*. Grand Rapids, 1987, p.16.

⁷ О началах, 4.13-19.

Исаак и Иаков, и по одной жене каждого из них; что Сихем дан был в удел Иосифу, а Иерусалим есть столица Иудеи, где Соломон построил храм Божий, и многое другое». Кажется, со временем об оговорке Оригена многие его последователи как-то совсем забыли и стали воспринимать библейский текст в полном отрыве от исторической плоти, охотно уходя в дебри аллюзий и иносказаний. В то же время буквально все ранние толкователи, даже те из них (начиная с Филона), кто предпочитали аллегорические объяснения, настаивали, что в Библии есть и прямой исторический смысл, и что первичен именно он.

Но что же находим мы в Библии исторического?

Во-первых, это *текст, говорящий об истории*. В Писании есть множество самых разных текстов: и гимны, и законы, и послания, и речи – но все они вставлены в исторический контекст. Моисеев Закон – не просто свод правил, но то, что Бог даровал Своему народу после Исхода. Послания Павла тоже обращены к конкретным людям и общинам в их конкретной ситуации. И даже в псалмах, самой лирической книге Библии, мы постоянно встретим ссылки на те или иные события.

Зато систематического богословия в Библии практически нет – в ней приведены самые разные воззрения и утверждения, которых придерживались разные люди в разные исторические периоды. Сегодня среди богословов популярен такой жанр, как трактат по схеме «учение N (пророка, апостола, евангелиста) о таком-то предмете». Так и представляешь себе этого пророка или апостола профессором богословия, который читает своим студентам систематический курс лекций... Строятся все трактаты примерно так: берется готовое церковное учение об этом предмете, а потом подбираются соответствующие цитаты. Классическим примером может служить недавно переизданный труд П.А. Юнгера «Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни»⁸. На самом деле совершенно невозможно найти в канонических книгах Ветхого Завета не то что сколь-нибудь связанного и целостного учения о бессмертии души (оно впервые появляется в 7-й главе 2 Маккавейской книги), но хотя бы даже ясно выраженного упоминания такого бессмертия.

Но Ветхий Завет дает нам другое: он показывает историю израильского народа, в том числе и историю его идей. Уже пророческие книги во многом переосмысливают и расширяют то, что было сказано в Пятикнижии. Точно так же и представление о смерти как о конечном пределе постепенно сменяется сначала робкой надеждой, а затем, в Новом Завете, и твердой уверенностью, что душа бессмертна и ее ждет встреча с Богом.

⁸ Казань, 1882.

Наконец, если мы говорим, что Писание – это Священная История, мы тем самым подразумеваем, что это не просто стенографическая запись каких-то событий и речей, но осмысленная и соответствующим образом рассказанная история. А значит, рассказчик мог быть озабочен не столько фактической точностью того, о чем он повествует, сколько осмыслением своего материала: он может его отбирать, обобщать, перегруппировывать таким образом, чтобы лучше и полнее донести свою мысль до читателя. Кроме того, одна из его задач – сделать текст литературно изящным, эстетически привлекательным, что тоже многое определяет в его манере письма.

Итак, Библия – это *текст, созидающийся и развивающийся в истории*. Мы знаем, что на самом деле это не одна книга, но собрание книг, написанных разными людьми в разные времена по разным поводам и даже на разных языках. Более того, даже одна и та же книга не всегда была написана сразу. Вот как начинается книга пророка Осии (1:1): «Слово Господне, которое было к Осии, сыну Беериину, во дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии, царей Иудейских, и во дни Иеровоама, сына Иоасова, царя Израильского». Итак, это собрание пророчеств, которые прозвучали по разным поводам в правление целых четырех царей! Вполне естественно, что в нее могли войти достаточно разные отрывки, вступающие друг с другом в сложные отношения.

Поэтому представления о разных авторах, к примеру, книги Исаяи, ничуть не принижают авторитет этой книги, а, напротив, расширяют и углубляют наше понимание этого текста, как текста, разворачивающегося и действующего в истории.

В-третьих, это *текст, порождающий историю*. Речь может идти здесь о многом, но нас в данном случае интересует прежде всего история интерпретации. Если Библия остается Священным Писанием общины верующих, значит, каждое новое поколение заново приступает к этому тексту. Новый читатель будет обязательно опираться на толкования предшественников, но совершенно не обязательно он с ними полностью согласится. Поэтому нет и не может быть никаких абсолютных, раз и навсегда, для всех заданных истолкований – хотя, разумеется, могут и должны быть разумные границы, выход за которые будет означать отказ от верности толкуемому тексту. А всякое толкование, всякий экзегетический метод принадлежит определенному этапу развития человеческой мысли.

В нашей современности мы, в свою очередь, тоже можем увидеть, как библейский текст изменяет окружающий мир – медленно, но верно. Сейчас все чаще говорится о том, как само появление библейского текста на том или ином языке меняет историю этого народа⁹. Но мы, по сути, еще сами не осознали, как Библия на русском языке изменила

⁹ См., например: Хилл К. *Английская Библия и революция XVII века*. Москва, 1998.

историю нашего собственного русского народа. Что же касается других народов России, то здесь мне посчастливилось, пусть и в малой степени, соучаствовать в этом историческом творчестве – ведь Библия только переводится на эти языки, и я работаю в организации, которая непосредственно этим занимается (Институт перевода Библии).

В четвертых, Библия – это *текст, придающий смысл нашей истории*. Она перестает быть бессмысленным круговоротом событий, поглощающим людей, чтобы все повторялось вновь и вновь в колесе дурной бесконечности. С библейским учением о творении мира и новом творении история обретает свою отправную и конечную точку, обретает направление движения, а значит – смысл и оправдание. Не так давно президент Франции Н. Саркози¹⁰ назвал основной причиной бед африканских стран то, что африканцы до сих пор живут больше в природе, чем в истории. Был он прав в отношении Африки или нет, не мне судить, да и не о том сейчас речь. Но он, безусловно, верно заметил, что человек, живущий в плену природных циклов, не видящий отправной точки и цели своего развития, не может добиться покоя и благополучия, он неизбежно будет возвращаться к прежним бедам и проблемам.

Чтобы история могла нас привести к лучшей жизни, чем есть у нас сейчас, у этой истории должны быть цель и смысл. Эксперимент по внедрению альтернативного, марксистского объяснения истории в нашей стране можно считать неудачным, поэтому стоит задуматься над библейским объяснением, которое до сих пор в огромной степени определяет жизнь той части человечества, которая выросла на христианской и иудейской, то есть библейской почве, и ее «общечеловеческие ценности» которой восходят именно к Десяти Заповедям, хотя мы об этом части и забываем.

С обретением смысла истории связана и та самая свобода, с которой апостолы и евангелисты обращались с ветхозаветными цитатами, вырывая их из исторического контекста. Они не просто добавляли к своей аргументации слова и выражения, которые случайным образом оказывались подходящими, а смотрели на вектор исторического и духовного развития, стоявший за этими пророческими словами, и указывали точку, к которой был направлен этот вектор. Разумеется, не всякому толкователю Библии такое позволено.

В заключение мне хотелось бы рассказать одну небольшую историю, которую рассказали мне про мальчика 12-ти лет из семьи русских эмигрантов в Канаде. В школе он по собственной воле постоянно таскал с собой Библию, читая ее на всех переменах, а иногда и на уроках, и говорил, что Ветхий Завет намного интереснее любого исторического романа. Правда, читал он ее по-французски – пожалуй, полного русского

¹⁰ На выступлении в Дакаре (Сенегал) 26 июля 2007 г.

перевода, который можно было *так* читать, у нас пока просто нет. Но эта история, по крайней мере, доказывает: Библию можно читать как Священную Историю, и при этом с большим удовольствием.